

КЛАССИКА
и
ДЕТЕКТИВА

Рекс
Стаут

УСПЕТЬ
ДО
ПОЛУНОЧИ

УСПЕТЬ ДО ПОЛУНОЧИ
ЛУЧШЕ МНЕ УМЕРЕТЬ
ТРИ СВИДЕТЕЛЯ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
С 78

Rex Stout
BEFORE MIDNIGHT
Copyright © 1955 by Rex Stout
MIGHT AS WELL BE DEAD
Copyright © 1956 by Rex Stout
THREE WITNESSES

Copyright © 1954, 1955 by Rex Stout
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского
Татьяны Чернышевой, Ольги Александровой, Максима Гресько

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-18513-5

© Т. Н. Чернышева, перевод, 2021
© О. Э. Александрова, перевод, 2021
© М. А. Гресько, перевод, 1994
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство Иностранка®

**УСПЕТЬ
ДО ПОЛУНОЧИ**

ГЛАВА 1

Не то чтобы наш разговор вечером в тот апрельский вторник каким-то образом повлиял на дальнейшие события, но он стал к ним прелюдией, а позднее раза два помог Вулфу сориентироваться. Когда в нашем старом особняке из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице закончился обед, главным блюдом которого было одно из лучших творений Фрица — голуби с колбасками и квашеной капустой, — я проследовал за Вулфом из столовой через прихожую в кабинет и, подождав, пока Вулф не возьмет журналы со столика рядом с большим глобусом и не устроится в кресле за письменным столом, спросил, нет ли для меня поручений. Спросил для страховки. Я заранее предупредил, что в четверг уеду до вечера на открытие бейсбольного сезона на стадионе «Поло-граундс», и не хотел, чтобы меня потом попрекали несделанными делами.

Он сказал, что поручений нет, погрузил свои обширные тела в кресло — единственное на всем белом свете кресло, которое ему нравилось, — и раскрыл первый журнал. Примерно двадцать минут в неделю у него отведено на просмотр рекламных объявлений. Я прошел к своему столу, сел, потянулся было за телефонной трубкой, но звонить передумал, решив, что страховок много не бывает. А потому, повернувшись в его сторону и увидев, как он сердито сдвигает брови, я подошел к нему посмотреть, что там ему не понравилось. Не понравилась ему черно-белая полностраничная реклама, которую я, как и миллионы моих сограждан, давно

выучил наизусть, хотя учить-то особенно было нечего — в рекламе было всего шесть слов, если не считать повторов. В центре страницы, немного ближе к верху, красовался элегантный флакончик, на этикетке которого изящным шрифтом было выведено в две строчки: «Pour Amour». «Pour» — в верхней, «Amour» — внизу. Сразу под флакончиком стояли еще два, под двумя — три, еще ниже — четыре и так далее до низа страницы. В самом нижнем ряду их было семь, а во всей пирамиде — двадцать восемь. Наверху были размещены слоганы: слева в углу «Pour Amour» — это ради любви, а в углу справа — «Pour Amour» — для любви.

— Тут заслуживают внимания две вещи, — сказал я, а Вулф хрюкнул и перевернул страницу. — Во-первых, само название. Процент от шестидесяти четырех до семидесяти женщин верят, что это духи «Ради любви», и процент был бы выше, если бы они знали французский и понимали разницу между «Ради любви» и «Для любви». Не хочу обижать американских женщин. Наверняка среди них мало кто хотел бы оказаться в роли «для любви», потому и нельзя было называть духи так прямолинейно. Только представьте себе. Читают женщины рекламу «Для любви» и думают: «Хватает же наглости подсовывать мне свои паршивые духи, чтобы я их использовала для любви! Вот я им покажу! За кого они меня принимают! Десять баксов за пол-унции!» Во-вторых...

— Хватит и во-первых! — рыкнул Вулф.

— Есть, сэр. Во-вторых, флакончиков очень много. Что противоречит правилам. Главная идея в рекламе духов показать один флакончик, который создаст впечатление, будто эти духи — ценная редкость, потому поторопитесь, чтобы она вам досталась. Но что делает «Pour Amour». «Pour Amour» говорит: «Послушай! У нас этого добра полно, и у нас тут свободная страна, и у каждой женщины есть право на свободную любовь, а если оно вам ни к чему, попробуй это». Совершенно новый подход к рекламе, на все сто американ-

ский, плюс объявленный конкурс, так что товар, видимо, окупается.

Я надеялся к этому моменту уже получить желаемый результат, однако Вулф лишь перелистывал страницы. Я набрал в грудь воздуха.

— Конкурс, как вам, вероятно, самому известно, поскольку вы рекламу просматриваете, — это азарт. А тут призовой фонд миллион долларов наличными. Пять месяцев подряд каждую неделю печатают новое задание... Могу воспроизвести дословно, не зря же я столько лет у вас тренирую память: «В описании использованы биографические факты из жизни реальной женщины, которая оставила след в истории и пользовалась косметикой». Двадцать недель — двадцать женщин. Первое задание было такое: «За трон мой шел сам Цезарь в бой; Антоний сам был мне отрада, но грудь моя в час роковой взалкала рокового яда». Загадка, конечно, простая: Клеопатра. Номер два тоже ерунда: жена Арагонца наслушалась басен Колумба, заложила свои драгоценности и на эти деньги снарядила корабли. Не помню, чтобы когда-нибудь читал, будто королева Изабелла пользовалась косметикой, хотя, учитывая отсутствие ванн в пятнадцатом веке, наверняка пользовалась. Могу также продекламировать номер три, четыре и пять. Дальше — хуже, под конец первой десятки я уже и просматривать бросил. Бог знает, что за чушь ближе к двадцатому. Например, вот номер семь... или восемь... забыл... «Министром стал мой сын родной, пусть не умела я писать; мой мистер Браун молодой свою прославил мать». По-моему, это жульничество. Учитывая, сколько в истории Браунов и сколько сыновей...

— Пф! — Вулф перевернул страницу. — Нелл Гвин, английская актриса.

Я замер.

— Ну да, знаю такую. Но как?.. Может быть, кто-то из ее поклонников носил фамилию Браун... или Браунсон... Но ее же не сын прославил. Кто-то из королей.

— Карл Второй, — самодовольно произнес Вулф. — Он дал сыну от нее титул герцога, а его отец, Карл Первый, когда в юности отправился в Испанию, взял себе имя мистер Браун. Нелл Гвин была, разумеется, любовницей Карла Второго.

— Мне больше по вкусу «возлюбленная». Ладно, вижу, вы прочли десять тысяч книг... Как насчет этого... По-моему, девятое: «По закону, который принял он, я женой не могла его быть. Он послушно свой соблюдал закон, продолжая всю жизнь любить». — Я помахал рукой. — Назовите имя.

— Арчи, ты никуда не собирался? — спросил Вулф, повернув голову ко мне.

— Нет, сэр, сегодня нет. Лили Роуэн, правда, думала заказать столик во «Фламинго», так как я мог бы и заскочить потанцевать, но я сказал, что могу вам понадобиться, а она знает, как я незаменим...

— Пф! — Он чуть было не рассердился, но решил, что дело того не стоит. — Ты хотел уйти и при этом снять с себя ответственность за отсутствие в доме, для чего добиваешься, чтобы я сам предложил тебе прогуляться. Ты своего добился. Предлагаю идти, куда хочешь, только сию же минуту.

Я мог бы загадать ему еще три-четыре загадки, но Вулф вздохнул и снова уткнулся в журнал, потому я промолчал. Когда я уже был у двери, он буркнул мне в спину:

— Перед обедом ты побрился и переоделся.

Нелегко работать и жить с великим детективом.

ГЛАВА 2

Поскольку вернулся я поздно и никаких срочных дел для меня не было, утром в среду я спустился вниз только в начале десятого, где слегка перекусил, умяв грейпфрут, овсянку, блинчики, бекон, ежевичное варенье и кофе. Вулф к то-

му времени, конечно, уже успел позавтракать у себя и подняться в оранжерею, где в это время занимался орхидеями.

— Приятно смотреть, Арчи, — сказал Фриц, выливая на сковородку тесто, собственноручно замешенное, чтобы испечь мне четвертый блин. — Хорошо отдохнул — и аппетит хороший. Главное, никто не мешает.

Я дочитал до конца абзац в «Таймс», которая лежала на стойке передо мной, дожевал кусок, отпил кофе и сказал:

— Честно говоря, Фриц, кроме тебя, нет на свете ни одного человека, кого я стерпел бы рядом с собой, пока завтракаю и читаю газету. Ты оставляешь целиком на мое усмотрение, отвечать тебе или нет, даже слушать или нет. Однако я все слышу. Например, то, что ты только что сказал. Позволь спросить, имел ли ты в виду, что у нас нет клиентов, нет работы и тебя тревожит состояние нашего банковского счета, который, того и гляди, станет меньше, чем следует? Я прав?

— Да. — Фриц шлепнул мне на тарелку толстый золотисто-коричневый блин. — Я имел в виду наш счет, но если тебе кажется, будто меня это пугает, — нет. С чего бы мне бояться? С мистером Вулфом и с тобой...

Зазвонил телефон. Я снял трубку с аппарата, стоявшего в кухне, и незнакомый глубокий баритон сообщил мне, что говорит Рудольф Хансен, которому срочно нужен Ниро Вулф. Я сказал, что мистер Вулф освободится не ранее одиннадцати, но мистер Хансен может оставить сообщение. Он заявил, что должен увидеть Вулфа безотлагательно и будет у нас через пятнадцать минут. Я повторил, что раньше одиннадцати ему у нас делать нечего, если только он не объяснит мне причину срочности. Он сказал, что приедет через пятнадцать минут, и повесил трубку.

Фриц тем временем, отставив в сторону блин, успевший остыть, наливал в сковородку тесто для следующего.

Обычно, если о встрече просит незнакомый человек, я стараюсь навести о нем хотя бы самые краткие справки,

но в тот раз в моем распоряжении было всего пятнадцать минут, а у меня оставались еще один блин и еще одна чашка кофе. Я только-только успел закончить завтрак и отнести в кабинет свой экземпляр газеты, когда в дверь позвонили. В прихожей я сначала посмотрел на крыльцо через одностороннюю стеклянную панель и увидел там не одного, а четверых мужчин: трое были среднего возраста, четвертый старше, все хорошо одеты, двое — в мягких фетровых шляпах.

Я приоткрыл дверь на два дюйма, то есть ровно настолько, насколько позволяла дверная цепочка, и сказал им:

— Представьтесь, пожалуйста.

— Я Рудольф Хансен. Я вам звонил.

— Кто остальные?

— Что за нелепость! Откройте двери!

— Это вам, мистер Хансен, кажется, что нелепость. Не далее чем в ста милях отсюда, в заведении под названием Синг-Синг, человек сто, не меньше, очень хотели бы побеседовать с мистером Вулфом, а может, не только побеседовать. Признаю, вы не похожи на беглых преступников, но вас четверо, джентльмены. Представьтесь, пожалуйста.

— Я адвокат. А это мои клиенты. Мистер Оливер Бафф. Мистер Патрик О'Гарро. Мистер Вернон Асса.

Имен я не знал, но рассмотреть успел, и если я хоть что-нибудь понимаю, то перед нашей дверью стояли люди, которые пришли явно не затем, чтобы устраивать нам проблемы, а чтобы решить свои. Потому я впустил их, помог устроить пальто и шляпы на нашей старой вешалке из ореха, затем провел в кабинет, рассадил по креслам, а сам сел за свой стол.

— Сожалею, джентльмены, но ничего не поделаешь. Мистер Вулф спустится вниз не раньше одиннадцати. Он может нарушить правило, но для этого нужны причины. Единственное, чем я могу помочь, — это выслушать вас, убедиться в срочности, подняться к мистеру Вулфу и убедить его.

В лучшем случае все вместе это займет минут двадцать пять, а сейчас на часах без двадцати пяти одиннадцать, потому советую вам подождать.

— Вас зовут Гудвин, — констатировал Хансен.

Его баритон теперь не казался таким глубоким, как по телефону. Я усадил его в красное кожаное кресло поближе к столу Вулфа, но длинная, тощая шея, сероватый оттенок лица и слишком большие уши явно с ним дисгармонировали. Этому типу больше подошел бы жесткий стул с прямой спинкой, без всякой обивки.

— Мистер Гудвин, — сказал он, — у нас дело в высшей степени срочное и настолько же конфиденциальное. Немедленно сообщите мистеру Вулфу о нашем визите, я настаиваю.

— Мы все настаиваем, — властно произнес один из клиентов мистера Хансена.

Второй мерил шагами комнату, вскочив с кресла, едва я усадил его. Третий пытался удержать спичку, чтобы прикурить сигарету.

Я не видел смысла препираться, потому вежливо сказал:

— Ладно, постараюсь помочь, — встал и вышел из кабинета.

Фриц, который никогда ни о чем не спрашивал, если речь касалась работы, мыл посуду и лишь бросил вопросительный взгляд, когда я снял трубку с внутреннего аппарата, чтобы позвонить наверх.

Через пару секунд Вулф рявкнул мне в ухо:

— Да?!

— Звоню из кухни. В кабинете у нас четверо, в рубашках «Sulka» и туфлях «Фирман». Они в панике. Говорят, вы нужны немедленно.

— К черту!..

— Понял, сэр. Я просто предупреждаю, что у нас посетители. Им я сказал, что постараюсь помочь, вот и стараюсь.

Я отключился первый, затем снял трубку другого аппарата и набрал городской номер. Натаниэля Паркера, адвоката, к которому в крайних случаях обращается Вулф, не оказалось на месте, зато оказался его сотрудник Сол Эрлих. О Хансене Сол знал только, что тот старший партнер в адвокатской конторе, с офисом в центре города и обширной практикой, и имеет репутацию очень умного парня. Повесив трубку, я сказал Фрицу, что у нас появилась надежда пополнить счет на полгода вперед, если, конечно, Фриц поможет мне окончательно проснуться, для чего сварит еще одну чашку кофе.

Когда стрелка часов прыгнула на одиннадцать, в ту же секунду загудел спускающийся лифт, и я вышел в прихожую, где встретил Вулфа, доложил все, что узнал о Хансене, и следом за ним вошел в кабинет. Там, как всегда, дождался, когда Вулф дошествоует до своего кресла, и лишь тогда, поскольку Вулф не любит пожимать руки незнакомым людям, представил ему посетителей. Хансен рванул с места в карьер. Вскочил, положил перед Вулфом на стол визитку, снова сел.

— Моя визитка, — сказал он. — Я Рудольф Хансен, адвокат. Эти джентльмены — мои клиенты, вернее, клиентом является их компания. Мистер Оливер Бафф. Мистер Патрик О'Гарро. Мистер Вернон Асса. Мы уже потеряли зря драгоценные минуты. Нам необходимо поговорить без свидетелей.

Вулф нахмурился. Первые минуты знакомства с клиентами даются ему нелегко. Не всегда находится уважительная причина выставить их за порог, а если причины нет, значит придется работать.

— Тут нет свидетелей, — покачал головой Вулф. — Только мистер Гудвин. Возможно, его нельзя назвать незаменимым, но он, безусловно, неустрашимый.

— Мы предпочли бы беседовать наедине.

— Сожалею, сэр. В таком случае вы действительно зря потеряли время.

Он посмотрел на посетителей, и я тоже посмотрел. Старший из них, Оливер Бафф, был краснолицый и седой. Из-за белизны волос его круглое лицо казалось краснее, а седина из-за красноты — белее. Это он, как и Хансен, пришел в шляпе. Патрик О'Гарро был с ног до головы коричневый — глаза, волосы, костюм, галстук, носки и ботинки. Рубашка, естественно, была белая. Вернон Асса, невысокий, толстоватый, с пухлыми плечами, вероятно, только что вернулся из Флориды, где загорал, наверное, не меньше месяца, хотя, возможно, был просто смуглый от рождения. Вот ему пошел бы коричневый костюм, но Вернон Асса был весь в сером, не считая черных ботинок.

— Какого черта! — пробормотал он.

— Действуйте, — велел Бафф Хансену.

Адвокат повернулся к Вулфу:

— Мистер Гудвин работает, разумеется, на вас?

— Разумеется.

— Здесь он присутствует в качестве вашего полномочного заместителя?

— Полномочного заместителя? Пусть так... Да.

— Значит, этот момент прояснили. Теперь я прежде всего хотел бы предложить вам нанять меня в качестве адвоката и выдать мне один доллар на оплату моих услуг.

Я поднял на него глаза. Парень чокнутый. В этом кабинете деньги движутся только в одну сторону.

— Не слишком заманчивое предложение, — сухо сказал Вулф. — У вас есть аргументы?

— Конечно. Насколько вам известно, доверительные отношения между адвокатом и клиентом охраняются законом, и содержание беседы между ними не подлежит разглашению. По этой причине я хотел бы установить между вами и мной доверительные отношения, а затем изложить причины, заставившие этих джентльменов искать здесь помощи.

Конечно, вы будете вольны прервать их в любой момент, если посчитаете нужным аннулировать эту договоренность, но вы получите законное право не сообщать о нашем деле властям, не нарушая закона. Мы с моими клиентами попадаем, таким образом, в зависимость от вас, однако ваша репутация не позволяет усомниться в вашей порядочности и разумности. Я предложил бы даже сузить круг моих функций, а именно: нанять меня как консультанта по вопросу целесообразности принятия делового предложения со стороны компании «Липперт, Бафф и Асса».

— Что это за компания?

— Вы наверняка слышали. Рекламное агентство.

Вулф двинул губами влево и назад. У него это считалось улыбкой.

— Очень изобретательно. Поздравляю. Но, как вы и сказали, вы окажетесь в зависимости от меня. Я буду иметь возможность разорвать наши отношения без штрафных санкций.

— Одну минутку, — вклинился О'Гарро; его умные яркие карие глаза перебежали с Вулфа на Хансена. — В самом ли деле это разумно?

— У нас нет другого выхода, Пэт, — ответил адвокат. — Если мы его нанимаем, придется ему доверять.

— Мне это не нравится... Но если нет другого выхода...

— Его нет. Оливер?

Бафф сказал «да».

— Верно?

Асса кивнул.

— В таком случае нанимаете ли вы меня, мистер Вулф? Как оговорено?

— Да... Арчи, выдай мистеру Хансену один доллар.

Я достал из бумажника доллар, удержавшись от колкости, какой, безусловно, заслуживала эта транзакция, подошел к адвокату и протянул.

— Передаю вам доллар, — сказал я официальным тоном, — как полномочный заместитель мистера Ниро Вулфа.

ГЛАВА 3

— Это длинная история, — начал Хансен, обращаясь к Вулфу, — но ее придется изложить как можно короче. Эти джентльмены приглашены к окружному прокурору для беседы. С этого момента я говорю как ваш консультант по вопросу о вашем найме. Знаете ли вы об убийстве Луиса Далманна?

— Нет.

— О нем сообщали по радио.

— По утрам я не слушаю радио. Как и мистер Гудвин.

— К черту радио! — рявкнул Асса. — По делу, Рудольф!

— Я по делу. Один из самых крупных партнеров ЛБА — так мы называем между собой агентство «Липперт, Бафф и Асса» — это парфюмерная компания «Хири продактс инкорпорейтед». Одно из основных ее направлений — косметика марки «Роуг Амоург». Линию запустили в производство несколько лет назад, и все это время она давала хорошую прибыль. Прошлой весной один из сотрудников ЛБА по имени Луис Далманн выдвинул новую идею для продвижения «Роуг Амоург» на рынке. Он добился одобрения, затем представил ее в «Хири», где идея также показалась перспективной, и ей был дан старт двадцать седьмого сентября прошлого года. ЛБА вместе с «Хири продактс» объявили конкурс с призовым фондом, какого еще не было в нашей истории: пятьсот тысяч долларов наличными за первое место, двести пятьдесят тысяч за второе, за третье — сто, а также еще пятьдесят семь мелких призов. Теперь я должен объяснить, в чем суть. По условиям конкурса в течение двадцати недель во всех крупных газетах и журналах печатали четверостишие, в котором...

— Сэкономлю вам время, — сказал Вулф. — Знаю.

— Вы тоже принимали участие? — немедленно спросил О'Гарро.

— В конкурсе? Бог мой — нет!

— По делу! — поторопил Асса.

Хансен продолжил:

— Участники должны были прислать ответы до четырнадцатого февраля. До полуночи четырнадцатого февраля, что подтверждал бы почтовый штемпель. В конкурсе приняли участие больше двух миллионов человек, потому Далманну пришлось набрать команду помощников. В нее вошли триста мужчин и женщин, которых он обучил обрабатывать письма. После окончания этой работы было выявлено семьдесят два конкурсанта, правильно отгадавших все двадцать загадок. На такой случай Далманн заготовил дополнительное задание из пяти загадок, которые двадцать восьмого марта были отправлены авиапочтой семидесяти двум конкурсантам. Ответы они должны были отправить до полуночи четвертого апреля. На этот раз одинаковые результаты показали пятеро. Они разгадали все пять загадок, уложившись в срок, и Далманн пригласил их в Нью-Йорк, сам лично всех обзвонив. Предполагалось, что здесь будут вручены первые три приза, а также два приза по десять тысяч долларов. Все приехали, и вечером накануне награждения Далманн пригласил их на обед в малом зале в «Черчилле». Там же присутствовали Тэлботт Хири от «Хири продактс», Вернон Асса и Патрик О'Гарро. Далманн собирался выдать этим финалистам еще одно дополнительное задание и дать срок неделю. Однако одна конкурсантка запротестовала: она приехала из Лос-Анджелеса, так что ей осталось бы намного меньше времени, потому условились для каждого установить свою дату, отсчитывая начало срока со дня возвращения домой, а конец — по почтовому штемпелю в день отправки. Встреча закончилась около одиннадцати часов, после чего все разошлись. Четверо из пяти финалистов приехали в Нью-Йорк из других мест, и компания поселила всех в том же «Черчилле». Пятая, молодая женщина по имени Сьюзен Тешер, ушла из отеля, вероятно, домой.

— Да переходи же к делу, черт побери! — рявкнул Асса.

— Верн, я излагаю короче некуда... Далманн, скорее всего, тоже отправился домой. Он был холост и жил один в квартире на Перри-стрит. Каждый день в семь утра приходила женщина, которая готовила ему завтрак. Когда она явилась сегодня, то увидела Далманна на полу в гостиной... Он был мертв. Его убили выстрелом в спину, используя вместо глушителя диванную подушку. Пуля попала в сердце. Женщина побежала за управляющим домом, тот известил полицию, полицейские приехали, занялись своим делом. Возможно, позже вы захотите узнать подробности убийства, на данный момент они неизвестны. Далманна обнаружили всего четыре часа назад... Возможно, и не захотите, потому что вы нам нужны не для расследования убийства. Вы нужны для дела, куда более важного.

Я положил ногу на ногу. Если у людей есть дело более важное, чем раскрытие убийства, мои мышцы реагируют на это сами.

Хансен, уперев руки в колени, подался вперед:

— Тут мы подошли к главному. Ответов на конкурсные вопросы не знал никто, кроме Луиса Далманна. Каждую загадку он сочинил сам — и первые двадцать, и дополнительные пять для семидесяти двух победителей, и вторые дополнительные пять для последних пяти победителей. Ответы на первые двадцать, конечно, знала команда помощников, но ответы для второго этапа знал только он, и победителей называл он. Задания же для финалистов он хранил в строжайшем секрете до последнего момента, как и ответы на них. Эти задания Далманн распечатал на машинке, сделав всего семь копий. Одну положил в депозитный сейф, одну — не уверен где, остальные пять вчера вечером раздал пятерым финалистам.

— Ту он положил в бумажник, — сказал О'Гарро.

Хансен это проигнорировал.

— Как бы то ни было, нас сейчас интересуют не загадки, а разгадки. Я говорю об ответах для последнего задания, остальное не важно. Пять имен плюс краткие комментарии: какие слова в четверостишии указывают на загаданных женщин. Считается, что существует единственный экземпляр ответов. Далманн напечатал их на бумаге с логотипом ЛБА, поставил свою подпись и дал подписать Баффу, Ассе и О'Гарро, прикрыв ответы другим листом, так чтобы их никто не видел, затем положил в конверт, заклеил и в присутствии пятерых свидетелей собственноручно убрал в депозитный сейф. Так что ответы, как я и сказал, знал только Далманн.

— Насколько это известно нам, — вставил Бафф.

— Разумеется, — согласился адвокат.

— Бог ты мой, сколько можно! — разъярился Асса.

— Перехожу к главному. Вчера на встрече в «Черчилле» Далманн совершил один в высшей степени необдуманый поступок. Когда...

— Мягко сказано, — перебил его Бафф. — Безответственный поступок! Преступление!

— Пожалуй, это чересчур. Но поступок был и в самом деле неразумный. Собираясь вручить конверты с новым заданием, Далманн вынул из внутреннего кармана пиджака не только конверты, но и бумажник и несколько листов бумаги. Он стал раздавать по кругу конверты, и тут... Пэт, дальше — ты, ты там присутствовал.

О'Гарро кивнул:

— Он раздал конверты, потом стал собирать то, что достал случайно, потом на мгновение вдруг задумался, улыбнулся всем, раскрыл бумажник, вынул сложенный листок и сказал, что будто бы...

— Нет. Дословно.

— Он сказал: «Просто хочу убедиться, что этот листок не попал ни к кому в руки. Тут все пять ответов на последнее задание, которое вы получили». После чего убрал листок в бумажник, а бумажник в карман.

— Преступная глупость! — прорычал Бафф.
— Когда закончилась встреча?
— Почти сразу. Финалистам не терпелось поскорее заглянуть в конверты, так что нам вряд ли удалось бы их долго удерживать за столом, даже если бы мы и попытались, но мы не попытались.

Хансен подался к Вулфу.

— Тут мы подошли к главному, — сказал он. — Утром, когда обнаружили тело Далманна, он был в той же одежде, что накануне. В карманах лежали чековая книжка, несколько сот долларов... Не было лишь одной вещи. Бумажника. Мы просим... Вернее, «Липперт, Бафф и Асса» просят вас выяснить — желательно сегодня, — кто из пяти финалистов взял бумажник. Все пятеро в Нью-Йорке. Мы убедили остаться тех, кто собирался улететь утром, объяснив, что они в любом случае понадобятся полиции. — Хансен взглянул на свои наручные часы. — Мы опаздываем к прокурору... Впрочем, там подождут. Что вам потребуется, чтобы как можно быстрее начать расследование?

— Сушая мелочь, — сказал Вулф со вздохом. — Меня нанимает компания «Липперт, Бафф и Асса»? Верно?

Хансен повернулся к Баффу:

— Оливер?

— Да, — сказал Бафф, — верно.

— У меня высокие ставки. Размер гонорара определяю я?

— Да.

— Какая разница, черт побери! — высокомерно воскликнул Асса.

— Где сейчас мистер Липперт? — спросил Вулф.

— Мистера Липперта нет. Он умер десять лет назад.

— Следовательно, мистер Липперт не имеет отношения к вашему конкурсу... Вы сказали, мистер Хансен, что просите меня выяснить, кто из пяти финалистов взял бумажник Далманна. Не возьмусь. Это слишком сложная задача. Что, если никто из них?

— Ради бога! — Хансен вытаращил глаза. — Кто же еще?

— Не знаю. Судя по вашему рассказу, на первый взгляд и в самом деле кажется в высшей степени вероятным, что это сделал кто-нибудь из них, но я не могу заранее ограничивать себя таким тесным кругом. О том, что за листок бумаги лежит в бумажнике Далманна, знали еще по меньшей мере трое: мистер Хири, мистер О'Гарро и мистер Асса.

Асса лишь крякнул от нетерпения.

О'Гарро сказал:

— Вы совершенно правы. К тому же в «Черчилле» я позвонил из телефона-автомата Баффу и Хансену и рассказал об этом. Хансен ответил, что тут ничего не поделать. Бафф хотел, чтобы я встретился с Далманном и убедил его уничтожить этот листок, но в конце концов мы пришли к выводу, что не стоит этого делать.

— Хорошо, — заключил Хансен, — в любом случае это мелочи. Сформулируем задачу так: вы беретесь узнать, кто взял бумажник и листок с ответами. Так устроит?

— Устроит, — согласился Вулф. — Насколько я понимаю, поиск убийцы в мою задачу не входит.

— Не входит. Это само собой. Поиск убийцы — дело полиции, и тут двух мнений быть не может. Полиции ничего не известно о бумажнике и о листке с ответами в бумажнике, как и о том, что накануне Далманн достал их в присутствии всех. Никто из нас, включая мистера Хири, не намерен об этом сообщать. Разумеется, когда полиция начнет допрашивать финалистов... возможно, уже начала... Нельзя исключить, что кто-нибудь об этом скажет, хотя, на мой взгляд, сомнительно... Что ты сказал, Пэт?

— Сказал, что, судя по вчерашней встрече, все пятеро не дураки. Нет, не дураки, а тут на кону полмиллиона долларов, не считая других призов. Не думаю, чтобы кто-нибудь сболтнул про листок. Как по-твоему, Верн?

— Я тоже так думаю, — согласился Асса, — разве что эта чертова курица Фрейзи. Бог знает, что она может ляпнуть.

— Но, — вставил Хансен, — даже если кто-нибудь и скажет, а полиция спросит, по какой причине мы об этом не

рассказали, наш ответ будет таким: не придали значения, поскольку все знали, что Далманн пошутил. По меньшей мере мы знали, и нам казалось, что все это поняли. Если даже нам не поверят, мы будем категорически отрицать предположение, будто Далманн действительно принес в бумажнике листок с ответами и — как естественный результат — был убит кем-то, кто решил им завладеть. Полицейские, конечно, должны быть дотошными, и они часто бывают дотошными, но вряд ли обратят внимание на подобную мелочь. — Он еще больше наклонился вперед в красном кожаном кресле, и я подумал, что он вот-вот свалится на пол. — Вы, вероятно, не можете оценить в полной мере, в каком отчаянном положении мы оказались. Этот конкурс — самая крупная рекламная кампания века. Призовой фонд в миллион долларов, два миллиона участников, вся страна в ожидании имен победителей. Мы, разумеется, подумали о том, чтобы отозвать последнее задание и предложить новое, однако это рискованно. Это означало бы, что мы подозреваем, будто один из них знает ответы и, следовательно, является убийцей Далманна, а также что Далманн действительно принес в отель листок с ответами. Кроме того, кто-нибудь из них или даже все они могут отказаться менять задание, над которым успели честно поработать, и выйдет ужасный скандал. Если ЛБА изменит задание без их согласия, они могут выдвинуть против нас иск и выиграют дело. — Он вынул из кармана лист бумаги и развернул его. — Здесь список крайних сроков. Копия есть у каждого:

Сьюзен Тешер, Нью-Йорк, до полудня 19 апреля.

Кэрол Уилок, Ричмонд, Виргиния, до полуночи 19 апреля.

Филип Янгер, Чикаго, Иллинойс, до полуночи 19 апреля.

Хэролд Роллинз, Берлингтон, Айова, до полуночи 19 апреля.

Гертруда Фрейзи, Лос-Анджелес, Калифорния, до полуночи 20 апреля.

Хансен снова сунул листок в карман и с облегчением откинулся на спинку кресла.

— Срок, как я уже говорил, будет отмечен на почтовом штемпеле. У мисс Фрейзи, которой добираться до дома дольше, чем всем, срок на день больше. Поскольку их всех задержали в Нью-Йорке, мы, возможно, продлим его и для остальных, если не будет возражений со стороны мисс Тешер, которая живет здесь. Что, если она сейчас продолжает работать и отправит ответы раньше других, не дожидаясь крайнего срока? Что тогда?

— Тогда плохо ваше дело, — фыркнул Вулф.

— Именно. Выход остается один: выяснить, кто взял листок с ответами, сегодня или завтра — как удастся, но в любом случае до истечения крайнего срока, до полуночи двадцатого апреля. Другого способа нет. С этой бумагой в руках мы будем вправе им сказать: «Один из вас, — тут мы назовем имя, — украл ответы. Потому придется сменить задание. Согласны вы или нет, дело ваше, но мы выдадим вам новые пять загадок, назначим новый срок и определим победителя в соответствии с новыми результатами». В таком случае у них не будет выбора. Верно?

— Не будет, — согласился Вулф. — Но тогда тот, кто взял ответы, выйдет из числа финалистов. Его арестуют по подозрению в убийстве.

— Это нас не касается.

— Верно. Однако и ваша хитрость выйдет наружу. Полиция будет знать, что вы солгали, когда сказали им, будто Далманн в тот вечер пошутил, показав сложенный листок.

— Ничего не поделаешь. Так или иначе, полиция получит убийцу.

— Тоже верно. Однако, — не унимался Вулф, — вы серьезно рискуете, рассчитывая, что за неделю я успею найти вора и доказательства. Могу не успеть. Если же не успею, тогда дела у вас будут не просто плохи, тогда будет катастрофа. До полуночи двадцатого апреля? У меня есть только

вот это, — он постучал себе по лбу, — мистер Гудвин и несколько человек, которым я доверяю. Тогда как в распоряжении полиции тысячи сотрудников, связь и широчайшие возможности. Я обязан предложить вам еще раз обдумать создавшееся положение и рассказать все полиции так же, как рассказали мне.

— Мы все обдумали. Если мы там расскажем, катастрофа случится уже завтра. К вечеру станет известно, что ответы украдены, разразится скандал национального масштаба, репутация ЛБА будет уничтожена раз и навсегда.

Вулф стоял на своем:

— Я должен быть уверен в том, что вы все учли. Даже если я найду виновника раньше назначенного срока, правда все равно выйдет наружу.

— Да, но тогда мы будем знать имя вора и завершим конкурс на условиях, которые устроят всех заинтересованных лиц. Это в корне иная ситуация. Все лишь восхитятся тем, как ЛБА быстро, ловко, блестяще справилась с кризисом.

— Только не полиция.

— Пусть. Но мир рекламы и бизнеса, пресса и простые американцы будут восхищаться.

— Возможно, вы правы. — Вулф повернул голову к Баффу. — Мне хотелось бы еще раз убедиться, что вы все согласны с решением обмануть полицию. Согласны ли вы, мистер Бафф?

Тот сидел багровый, на лбу выступил пот.

— Согласен, — сказал он. — Вынужден.

— Мистер О'Гарро?

— Да. Мы все обсудили, прежде чем ехать к вам.

— Мистер Асса?

— Да. Вы зря теряете время!

— Нет. Если бы вы поручили мне просто поймать убийцу, но ведь нет. Тут слишком много неясного, а мне необходимы детали. — Вулф приподнял ладонь. — Например, важно точно знать, нашел ли тот, кто забрал бумажник, там лис-

ток с ответами. Что, если нет? Что, если Далманн просто их дразнил и вор остался ни с чем? В таком случае это усложнило бы мою работу и потребовались бы совершенно другие действия.

— Не беспокойтесь, — ответил О'Гарро. — Листок с ответами. Я был там и видел их. Верн?

— Я сказал бы: двадцать против одного, — произнес Асса. — Если бы это были ответы, его вышибли бы из компании, но за шутку — нет. Как ты думаешь, Оливер?

— Ты прекрасно знаешь, что я думаю, — мрачно сказал Бафф. — Тут дело в характере. Луиса Далманна называли гением новых идей, когда ему было всего тридцать два года, а следующие десять лет он считался главным авторитетом в нашем бизнесе, это был второй Ласкер. Мы все так думали. Но была в нем идиотская черта. Конечно, листок был с ответами. Нет ни малейшего сомнения. Когда ты, Пэт, позвонил мне, я сам был готов к нему ехать, но какой смысл? Даже если бы он при мне уничтожил эту бумажку, чтобы меня потешить, он мог после моего ухода сесть и написать ответы еще раз, и наверняка так и сделал бы. Хотя теперь я жалею, что не поехал. Сейчас судьба ЛБА в такой опасности, в какой не оказывалась за все тридцать восемь лет, что я с ней. Из-за Далманна! Если бы он сейчас пришел сюда — живой, — не знаю, что я... — Он стиснул зубы и замолчал.

Вулф перевел взгляд на Хансена:

— Мистер Хансен, вы так же уверены, что это была не шутка?

— Уверен.

— В таком случае будем держаться этого предположения, пока оно не опровергнуто. Мне нужно увидеть всех финалистов — желательно порознь, — хотя время и поджимает. — Он взглянул на настенные часы. — Сейчас они, скорее всего, в полиции, но попытаемся. Пусть кто-нибудь из вас позвонит всем по очереди и назначит каждому встречу

здесь у меня: в двенадцать тридцать одному, в три следующем, в шесть следующем...

— Как в шесть? — вскинулся Асса. — Бог ты мой! Три часа на одного свидетеля!

— Трех, надеюсь, не понадобится. Достаточно часа. Но с четырех до шести я занят другим делом и...

— Какое другое дело! Это возмутительно!

Вулф посмотрел на него:

— У меня не почасовой договор с вашей компанией, мистер Асса. Мое расписание обсуждению не подлежит. Я работаю как работаю. Один в три, один в шесть, один в семь, и последний в восемь. Можете им сказать, что, поскольку их задержали в Нью-Йорке и это создает определенные сложности в организации финала конкурса, вы просите их побеседовать со мной как с представителем вашей компании. Разумеется, им не следует говорить о той бумаге, которую им вчера показал мистер Далманн. Обедаю я в девять, так что поинтересоваться отчетом можно по телефону в любое время начиная с половины одиннадцатого.

— Я хотел бы присутствовать при ваших беседах, — сказал Хансен. — Но в двенадцать тридцать я занят.

— Сэр, вы не сможете присутствовать при наших беседах ни в какое время. Вы ведь понимаете, что при вас они замкнутся, придется выпроводить даже мистера Гудвина. Кстати, о нем, у него будет другое задание. Где находится депозитный сейф, в котором хранятся ответы?

— Сорок седьмая улица, банк «Континентал траст».

— Пожалуйста, пусть один из вас в два тридцать встретит там мистера Гудвина. Отведите его в депозитарий, вскройте конверт с заданиями и конверт с ответами. Мистер Гудвин сделает копии и принесет сюда, а оригиналы вы вернете в сейф.

— Это невозможно, — твердо сказал О'Гарро. — Эти конверты не могут быть вскрыты.

СОДЕРЖАНИЕ

УСПЕТЬ ДО ПОЛУНОЧИ	
<i>Перевод Т. Чернышевой</i>	5
ЛУЧШЕ МНЕ УМЕРЕТЬ	
<i>Перевод О. Александровой</i>	193
ТРИ СВИДЕТЕЛЯ	
<i>Умри как собака. Перевод Т. Чернышевой</i>	395
<i>Когда человек убивает. Перевод Т. Чернышевой</i>	460
<i>Последний свидетель. Перевод М. Гресько</i>	527

Стаут Р.

С 78 Успеть до полуночи : романы, повести / Рекс Стаут ; пер. с англ. Т. Чернышевой, О. Александровой, М. Гресько. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2021. — 608 с. — (Иностранная литература. Классика детектива).

ISBN 978-5-389-18513-5

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

На финальном этапе конкурса, который устраивает парфюмерная компания, убит один из организаторов, а из его бумажника исчезают ответы на заключительные вопросы. Под подозрением все пять финалистов, и, чтобы избежать скандала, организаторы просят Вулфа найти листок с ответами. Вопреки мнению полиции Вулф придерживается версии, что человек, укравший ответы, и убийца — одно и то же лицо.

К Ниро Вулфу обращается человек с просьбой найти сына, ушедшего из дому одиннадцать лет назад. Блудного сына довольно быстро удается найти, но находят его в тюрьме, где тот сидит по обвинению в убийстве. И Вулфу необходимо доказать его невиновность.

Кроме романов «Успеть до полуночи» и «Лучше мне умереть», в сборник вошли еще три повести об очередных делах знаменитого сыщика.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РЕКС СТАУТ

УСПЕТЬ ДО ПОЛУНОЧИ

Ответственный редактор Ольга Рейнгевец
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Анна Быстрова, Юлия Теплова

Подписано в печать 21.07.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 38. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-ILD-27128-01-R